

УДК 811.11

<https://doi.org/10.25076/vpl.40.05>

М. А. Фомина

Московский городской педагогический университет

**СУБЪЕКТ-ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК КВАЗИАГЕНС:
«ОТ ЗНАЧЕНИЯ К ФОРМЕ»**

В статье рассматривается категория субъекта с позиций функционального подхода к интерпретации языковых фактов – «от значения к форме». Семантический субъект может реализовывать различные семантические роли, вариативность которых обусловлена прототипической структурой организации категории субъекта. В качестве прототипа категории выступает субъект-агент действия. Другие типы субъекта – ср. поссессор, экспериенцер, нейтрал – располагаются на разном расстоянии от прототипического центра, удаляясь от центра поля субъектности и приближаясь к периферии. Предметом исследования является актант ядра семантической структуры, выполняющий роль субъекта-экспериенцера. В качестве одной из приоритетных задач исследования видится решение проблемы разработки метаязыка семантического описания. В основе принятого подхода лежит проведение исследовательской процедуры в направлении от описания релевантных концептуальных категорий к построению системы метатерминов, связанных с рассматриваемыми категориальными признаками исследуемых языковых единиц. В статье рассматривается проблема разграничения таких смежных понятий, как субъект, подлежащее, носитель предикативного признака; приводится описание системы средств выражения анализируемой семантической категории в русском языке, а также результаты анализа поверхностной и глубинной структур моделей с данным типом субъекта.

Ключевые слова: семантический субъект, субъект-экспериенцер, функциональный подход, поверхностная / глубинная структура высказывания, модель предложения, подлежащее, носитель предикативного признака

UDC 811.11
<https://doi.org/10.25076/vpl.40.05>
M.A. Fomina
Moscow City University

**EXPERIENCER AS QUASI-AGENT:
«FROM MEANING TO THE LINGUISTIC FORM»**

The paper focuses on the category of semantic subject within the framework of a functional approach to linguistics. The variety of roles subject may have in a sentence accounts for the radially structured category of subject. With the agent subject being the center of the category, other members – Possessor, Experiencer, Neutral, etc. – appear to be scattered within the syntactical category of subject being more central or peripheral. The paper deals with the Experiencer subject. The author stresses the key role of a well-elaborated metalanguage in linguistic analysis and assumes that a thorough analysis of the relevant conceptual category, its structure and content, should precede the stage of developing a metalanguage. The paper 1) differentiates between similar though not interchangeable notions such as semantic subject, grammatical subject, and the bearer of predicative feature, 2) features the peripheral status of the Experiencer within the category of semantic subject, 3) reveals the means of its linguistic representation, 4) makes a structural and semantic analysis of the models with the Experiencer.

Keywords: semantic subject, Experiencer, functional approach, deep / surface propositional structure, sentence model, grammatical subject, bearer of predicative feature.

Введение

В статье рассматривается семантическая категория субъектности с позиций функционального подхода к интерпретации языковых фактов, который, в отличие от подхода, принятого в традиционных грамматиках, идущих от формы к содержанию, основывается на семантических категориях (см., например, работы (Leonard, 1933; Foley, Van Valin, 1984; Siewierska, 1991; Теория функциональной грамматики, 1992; Halliday, 1994; Dik, 1997; Кобринина и др., 2007; Mustajoki, 2007;

Мустайоки и др., 2019; Jespersen, 1924), в которых изложены основные принципы функциональной грамматики и представлено описание системы семантических категорий и средств их выражения по принципу «от значения к форме»). По мнению авторов работы (Мустайоки и др., 2019), такой подход отражает роль говорящего в ситуациях общения: «сначала мы решаем то, **что** хотим сказать, а потом – **как** мы это выразим. Его задачей является не дополнить традиционную грамматику, а рассмотреть язык под другим углом». Иными словами, как отмечает О. А. Сулейманова, «авторы предлагают идти по когнитивному пути от осознания того, что именно хотел вербализовать говорящий, к вербальной форме репрезентации замысленного содержания, иконически тем самым отражая происходящий в сознании говорящего когнитивный процесс» (Сулейманова, 2020, с. 119-120). Данный подход оказывается эффективным при рассмотрении целого комплекса семантических категорий и, в частности, категории субъектности.

Задача построения адекватных и по возможности исчерпывающих описаний семантики языковых единиц неизбежно связана с проблемой разработки понятийного аппарата описания – метаязыка, на котором могут быть сформулированы семантические гипотезы. В (Фомина, 2016) рассматривается подход к организации исследовательской процедуры в направлении от описания релевантной концептуальной категории к разработке соответствующего метаязыка семантического описания. Как представляется, именно такой подход оказывается эффективным при проведении семантических исследований и придает разработанному в рамках каждого конкретного исследования метааппарату статус целостной системы терминов с четкой внутренней логикой и с возможностью экстраполяции на семантические описания языковых единиц, явившихся объектом других исследований (Там же, с. 224). Таким образом, прежде чем перейти к разработке метаязыка описания объекта исследования – русских моделей с субъектом-экспериенцером – представляется необходимым рассмотреть категорию субъектности.

Данная категория всегда являлась объектом пристального внимания как со стороны отечественных, так и зарубежных лингвистов. Синтаксическая категория подлежащего выступает в

качестве одной из возможных языковых репрезентаций концептуальной категории субъекта. При этом во многих работах термин «субъект» употребляется для обозначения именно синтаксической категории, а не семантической, без разграничения предметных областей данных категорий.

Как отмечает Н. Н. Болдырев, когнитивным основанием концептуальной и синтаксической категорий субъекта является «концепт «субъект», который формируется в нашем сознании не только с учетом неязыковых знаний и опыта событий, происходящих в реальном мире, но и опыта отражения этих событий в языке, т.е. языковых знаний» (Кобрина и др., 2007, с. 220). Содержание концепта «субъект» включает в себя и знание того, что в каждом событии есть элемент, который выделяется как его инициатор или источник и который этим же событием характеризуется; а также о том, что все события внеязыковой действительности могут быть представлены в языке как действия, состояния, свойства или отношения, а субъект – как производитель намеренного или ненамеренного действия; источник свойства или процесса; носитель состояния; элемент отношения (Там же, с. 220-221).

Подобная многоаспектность категории субъекта порождает многочисленные проблемы, которые остаются актуальными для современной синтаксической теории и к числу которых можно отнести и существующее разнообразие подходов к пониманию и изучению данной категории. Вслед за А. В. Бондарко, под субъектностью будем понимать «группировку грамматических (морфологических и синтаксических) и лексических средств данного языка, служащих для выражения различных вариантов семантики субъекта». Грамматический центр категории субъектности, обладающей полевой структурой, представлен подлежащим двусоставного предложения, выраженным существительным или местоимением в именительном падеже. Подлежащее, выступая в позиции предикцируемого компонента синтаксической структуры предложения (структурного НПП – носителя предикативного признака), является «наиболее адекватным выразителем семантики субъекта» и выполняет роль семантического носителя предикативного признака (Бондарко, 1992, с. 68). При выражении субъекта другими структурными

носителями предикативного признака происходит удаление от прототипического центра категории субъектности и приближение к периферии. При этом, вероятно, русские безличные (бесподлежащие) конструкции, находясь на «дальней» периферии, представляют наибольшую сложность с точки зрения интерпретации субъектно-объектно-предикатных отношений.

Носитель предикативного признака

Остановимся подробнее на понятии НПП, которое оказывается не только ключевым при определении категории субъектности, но и крайне важным при интерпретации русских безличных моделей. Под носителем предикативного признака понимается «субстанция, которой приписывается предикативный признак» (Бондарко, 1992, с. 54-55). В качестве НПП выступают единицы, выполняющие функцию предиктируемого компонента синтаксической структуры предложения, которому в активных конструкциях соответствует семантический субъект, а в пассивных – объект. Таким образом, носитель предикативного признака представляет собой синтаксическую субстанцию, в которой разграничиваются и соотносятся структурные и семантические функции, связанные с теми или иными средствами формального выражения. Такая трактовка данного понятия позволяет, например, решить вопрос о залоговой принадлежности ряда конструкций, когда понятия подлежащего и семантического субъекта оказываются недостаточными (Там же, с. 56-57). Более того, введение понятия носителя предикативного признака «позволяет сохранить понятие подлежащего в его обычном, не расширенном толковании» (Там же, с. 60) и, тем самым, избежать возникновения двойственности и утраты определённости данной категории – ср. предложения типа *Отцу не работается; Ему холодно; Больного лихорадит; Его тянет уехать; Сестру охватил страх*, которые трактуются в ряде работ как структуры с подлежащим, имеющим неноминативное выражение (Золотова, 2001, с. 135-139). Так, анализируя подобные высказывания, Г. А. Золотова соотносит предиктируемый компонент со значением личного субъекта физического или душевного состояния с подлежащим предложения. Широкое понятие НПП, объединяющего целый класс синтаксических единиц, функционально сближающихся с подлежащим, позволяет сохранить понятие подлежащего в его каноническом понимании и

выделить в рассматриваемых синтаксических конструкциях НПП, выраженные дополнениями. Такое расширение понятия НПП возможно с той оговоркой, что НПП, выраженные дополнениями, принадлежат периферийному подклассу синтаксических элементов (НПП2), отличающихся синтаксической зависимостью от сказуемого, выраженной в управлении (Бондарко, 1992, с. 63). Более того, при выявлении денотативно-понятийной основы выражаемой семантики в данных предложениях, как справедливо отмечает А. В. Бондарко, элемент субъекта состояния оказывается сопряжённым с «объектной интерпретацией, исходящей от формы прямого дополнения со значением субстанции, зависимой от действия, выраженного глаголом-сказуемым» (Там же, с. 63-65).

Признак активности / неактивности

Н. Н. Болдырев, опираясь на имеющиеся исследования категории субъекта, выделяет следующие наиболее существенные характеристики субъекта-агенса, выступающего в роли прототипа категории субъекта: 1) одушевленность; 2) энергетическая активность; 3) намеренность (волитивность); 4) каузативность; 5) контролируемость, а также 6) креативность предикативного признака. Другие типы субъекта располагаются на разном расстоянии от прототипического центра, а их градация обусловлена степенью проявления признака **активности** (признаки волитивности и контролируемости проявляет только субъект-агенса) (Кобрина и др., 2007).

Как отмечает О.Н. Селиверстова, за признаком *активности / неактивности* стоят несколько разных признаков, близких, но не тождественных друг другу. Сам факт несводимости *активности / неактивности* к одному признаку подтверждает наличие различных классификационных оснований в работах лингвистов, посвящённых проблеме *активности / неактивности*. Так, некоторые исследователи отождествляют данное противопоставление с залоговым противопоставлением *активности / пассивности* (см., например, (Valesio, 1971); другие объединяют в одну группу состояния и произвольные действия (*вздрыгнул, вскрикнул*) (Алисова, 1974). Авторы работы (Мустайоки и др., 2019) полагают, что различия между ситуациями, описываемыми при помощи высказываний (1) *Нина уронила вазу*, (2) *От неожиданности Ира вскрикнула* и (3) *Игорь*

споткнулся и упал, незначительные. Действительно, все три высказывания описывают ситуации, в которых субъект (X) не контролирует то, что происходит, совершая действие (P) непроизвольно. Как представляется, дальнейшие различия между данными субъектами проводятся по признаку *активности / неактивности*.

По мнению О. Н. Селиверстовой, степень активности субъекта можно определить по характеру роли X-а (определяющая / неопределяющая) в реализации денотата предиката P. При этом **неопределяющая роль X-а** необязательно означает, что X пассивен – субъект может быть представлен как прикладывающий усилия для осуществления P, но решающим для реализации P оказывается действие некоторой внешней по отношению к X-у силы, ср. высказывание *Мы хорошо долетели*, в котором субъект X (**неопределяющий агент X** – в терминологии О. Н. Селиверстовой) представлен как такой, который прикладывал усилия для того, чтобы событие P состоялось, но определяющую роль сыграли внешние обстоятельства (Селиверстова, 1982, с. 111). Если осуществление или поддержание денотата предиката P целиком зависит от внешней по отношению к субъекту X силы или если событие P представлено как самоподдерживаемое, то X рассматривается как **страдательный**, ср.: *Я не отвечала, меня так лихорадило, что зубы постукивали, я была в отчаянии; Когда я это понял, меня, привычного ко всему, чуть не вывернуло наизнанку* (НКРЯ).

Далее, различия между субъектами, играющими определяющую роль для того, чтобы P имел место, проводятся по двум признакам: 1) X прикладывает усилия и/или проявляет волеизъявление (**агентивный субъект**), ср. *Я часто и подолгу рассматривал эту картинку, думал о ней... об этой женщине; Я кинулся под навес и очутился на ступенях музея; Тут он смешал спички и собрался было показать другой – может быть лучший – фокус, но нам помешали* (НКРЯ); 2) X не прикладывает усилия и, независимо от самого себя, выступает в качестве источника энергии, поддерживающей и/или определяющей возникновение P (**неагентивный, но определяющий субъект**) (Селиверстова, 1982, с. 111), ср.: *Кофейные зерна потрескивали, крепко благоухали, мельница еще работала с натугой и грохотом, но*

*вдруг полегчало, сопротивления нет, пустота...; **Огонь распространялся со страшной быстротой, захватывая все новые домишки; Очертаний не было; как снятое с вешалки легкое женское платье, город сиял, переливался, падал чудесными складками, но не держался ни на чем, а повисал, ослабевший, словно бесплотный, в голубом сентябрьском воздухе** (НКРЯ).*

Особый интерес представляют высказывания с предикатами типа *вздоргнуть, вскрикнуть*, в которых субъект (так называемый **несобственно агентивный субъект**) является источником энергии действия Р и представлен как прикладывающий усилия для того, чтобы имел место денотат предиката, но прикладывающий усилия бессознательно, не проявляя волеизъявление (Селиверстова, 1982, с. 112). Отметим, что речь идет именно о **бессознательном** приложении усилий, а не **неосознанном**. В работе (Шабанова, 1998) данный признак обозначен как *осознанность / неосознанность* приложения усилий со стороны Х-а для того, чтобы Р имело место. Как отмечает О. А. Сулейманова, термин *осознанность* вряд ли можно признать удачным для описания высказываний, в которых Х представлен как осознающий, что с ним происходит, однако участвует в событии Р бессознательно (Сулейманова, 2000, с. 16).

Таким образом, О. Н. Селиверстова предлагает выделять два основных вида «неактивности»: 1) неактивность субъекта-пациенса (Х страдательный), при которой Х не определяет создание и поддержание Р; Р создается внешней по отношению к Х-у силой или является самоподдерживаемым; 2) неактивность, которая определяется тем, что Х не действует, но выступает при этом в качестве источника энергии, необходимой для осуществления и/или поддержания Р (Селиверстова, 1982).

Таким образом, выделенные виды *активности / неактивности* позволяют описать некоторые различия между приведенными выше высказываниями (1) *Нина уронила вазу*, (2) *От неожиданности Ира вскрикнула* и (3) *Игорь споткнулся и упал*. В первом высказывании роль Х-а является определяющей для того, чтобы Р имело место, при этом Х (агенса) прикладывает усилия для реализации Р бессознательно, помимо своей воли. Во втором высказывании Х проявляет свойства несобственно агентивного субъекта, так как является источником энергии действия Р и

представлен как прикладывающий усилия для того, чтобы имел место денотат предиката, но прикладывающий усилия бессознательно, помимо своей воли. В третьем примере событие Р представлено как такое, осуществление которого в большей степени определяется внешней по отношению к Х-у силой (внешними обстоятельствами, внешней средой), хотя и нуждается в Х-е как источнике энергии, поддерживающей реализацию Р («неживой», пусть и перемещающийся в пространстве объект не способен реализовать данное действие). При этом данный субъект обладает большей степенью активности, чем страдательный Х (экспериенцер) в высказываниях типа *Его знобит*, в которых событие Р представлено как такое, осуществление или поддержание которого целиком определяется внешней по отношению к Х-у силой или событие Р представлено как самоподдерживаемое.

Наблюдатель vs. экспериенцер

Важным также представляется развести сходные, но не равнозначные метатермины *наблюдатель* (*потенциальный наблюдатель*) и *экспериенцер*, которые нередко употребляются недифференцированно.

Как отмечает О. А. Сулейманова, субъект обычно реализует семантическую роль экспериенцера при предикатах процесса (не действия), ср. высказывания *Мне грустно*, *Ему не спалось*, в которых НПП представлен как экспериенцер (ср. высказывания с субъектом-пациентом – *Нам будет прочитан лекционный курс*, или агенса – *Мы прослушаем лекционный курс*). В данных высказываниях экспериенцер получает эксплицированное выражение, тогда как наблюдатель задан имплицитно (ср. высказывание *Зрители с интересом наблюдали за развитием действия на экране*, в котором субъект-наблюдатель эксплицирован, при этом информация о том, что субъект является наблюдателем, содержится только в лексическом значении глагола) (Сулейманова, 2015).

О. Н. Сулейманова предлагает уточненное определение семантической роли наблюдателя, которое учитывает роль данного актанта как участника ситуации, регистрирующего событие Р: «семантическую роль наблюдателя можно определить как одушевленный объект Х, с точки зрения которого подается

событие Р, соответственно, наблюдаемость – это свойство Р характеризоваться с точки зрения Х-а, при обязательной принадлежности Х-а фабульному пространству» (Сулейманова, 2015, с. 71). При этом принадлежность фабульному пространству не означает обязательное присутствие Х-а в физическом пространстве описываемой денотативной ситуации – ср. высказывание с обобщённым субъектом *Когда смотришь на карту, видно, что старый дом вместе с приусадебным участком <...> действительно находятся на острове* (НКРЯ), в котором Х представлен как потенциальный наблюдатель. О. А. Сулейманова подчеркивает, что в предложениях с потенциальным наблюдателем «сообщается не о том, что происходит с Х-ом, а о том, что имеет место вокруг него и воспринимается его рецепторами» (Там же): ср. высказывание *Мне холодно*, в котором сообщается о том, что делается с Х-ом, Х выступает в качестве субъекта своего состояния, выполняя роль экспериенцера; в высказывании же *На улице сильно похолодало* Х (потенциальный наблюдатель, не субъект предикации) «воспринимает и регистрирует состояние окружающей среды», денотативная ситуация подается исходя из его восприятия, тогда как Р происходит необязательно с ним (Там же).

Методология

Для исследования семантики моделей с субъектом-экспериенцером было проведено многоэтапное исследование с применением комплексной исследовательской методики, совмещающей гипотетико-дедуктивную процедуру исследования, обращение к ведущим поисковым системам и проведение корпусного эксперимента. Такая триангуляционная методика позволяет установить степень сходимости данных, полученных из разных источников, и обеспечивает высокую степень валидности полученных результатов. (см. подробнее о триангуляционном подходе в экспериментальной лингвистике (Сулейманова, Фомина, 2018).

Источником материала для исследования послужили тексты художественного и масс-медиального дискурса, представленные в Национальном корпусе русского языка. Для выявления системы средств выражения семантической категории субъекта-экспериенцера в русском языке, а также проведения анализа

поверхностной и глубинной структур моделей с данным типом субъекта на начальном этапе исследования были отобраны высказывания, вносящие информацию о субъективном (физическом или эмоциональном) состоянии или ощущении X-а (субъекта состояния / ощущения), интеллектуальном / эмоциональном отношении X-а к лицу / предмету. В качестве отдельной исследовательской задачи на данном этапе явилось создание алгоритма поиска рассматриваемых моделей, представляющих собой синтаксически развернутые структуры. Как отмечают авторы работы (Сулейманова и др., 2020), при проведении исследования семантики синтаксической модели потребности исследователя выходят за рамки организации поиска только по одному параметру – оптимизация поисковых запросов позволяет значительно ограничить область поиска и составить более точный запрос к корпусу текстов или поисковой системе типа Google. Комбинируя различные параметры поиска, исследователь может задавать сложные запросы, обусловленные целями и задачами научного исследования. Такие запросы формулируются на специальном логическом языке в соответствии с определенными синтаксическими правилами. Приведем примеры некоторых запросов, которые были построены в рамках лексико-грамматического поиска НКРЯ на данном этапе исследования.

Модель	Запрос	Примеры результатов поиска
Дативные модели		<p><i>Но я люблю, когда мне страшно, меня это взбадривает.</i></p>
		<p><i>Теперь, чтобы его простить,</i></p>

	<p>Поле 1: <i>Грам. признаки</i> → мест.-сущ., дат. падеж Поле 2: поле «Слово» → *о *е → <i>Грам. признаки</i> → предикатив</p>	<p><i>мне нужно его понять.</i></p> <p><i>Мне трудно в это поверить.</i></p> <p><i>Значит ли это, что ей суждено повторить все прежние ошибки?</i></p>
<p>Пространственные possessивные модели типа У нее в боку колет</p>	 <p>Поле 1: поле «Слово» → у Поле 2: <i>Грам. признаки</i> → мест.-сущ., сущ., род. падеж, одушев. Поле 3: поле «Слово» → в Поле 4: <i>Грам. признаки</i> → сущ., предлож. падеж</p>	<p><i>У меня в руках будет коричневая сумочка.</i></p> <p><i>У каждого в голове рождалась веселившая и немного пугавшая мысль о близкой воде.</i></p> <p><i>Он приводит такой пример: допустим, говорит он,</i></p>

	Семантич. признаки → части тела и органы человека Поле 5: Грам. признаки → гл.	что у кого-то в голове есть идея очень хитрой и сложной машины...
		У каждого в руках была игрушка, изображавшая птицу.

Таблица 1.

В результате сформированных поисковых запросов нам удалось значительно сузить область поиска, однако и в этом случае результаты поиска необходимо далее отфильтровать «вручную», чтобы отобрать релевантные для исследования примеры (ср. результаты запроса, организованного для поиска пространственных поссессивных моделей типа *У нее в боку колет: У меня в руках будет коричневая сумочка; У каждого в руках была игрушка, изображавшая птицу*, которые действительно представляют собой реализацию пространственной поссессивной модели, но с субъектом-посессором, а не экспериенцером физиологического / эмоционального состояния). Более точных результатов можно также добиться при помощи дальнейшей детализации и уточнения построенных запросов. Так, например, в приведенном в таблице запросе для поиска пространственных поссессивных моделей типа *У нее в боку колет* можно уточнить семантические характеристики глагола, выбрав опцию «физическое воздействие» в соответствующей закладке. Так, после подтверждения внесенных в запрос изменений и организации поиска в результирующую выборку были включены высказывания типа – *Капитан сказал... – я вдруг загнулся, потому что услышал, как у меня в ушах стучит сердце* (НКРЯ).

Далее, сформированная выборка высказываний с субъектом-

экспериенцером разбивается исследователем на группы однотипных контекстов, противопоставленных по определенному семантическому признаку (интегральному для группы). При этом внутри каждой группы примеры можно далее распределять на подгруппы по другим признакам. Результаты дистрибутивного анализа позволяют исследователю построить гипотезу о значении рассматриваемых языковых единиц (моделей с субъектом-экспериенцером). Далее, следуя логике пошаговой организации исследовательской процедуры с использованием гипотетико-дедуктивного метода, основу которого составляет семантический эксперимент, исследователь выполняет экспериментальную проверку выдвинутой гипотезы в формате интервью с информантами-носителями языка, оценивающими правильность предложенных им предложений по заданной шкале. Полученные оценки позволяют выделить так называемый «отрицательный языковой материал», который далее послужит основой для выдвижения гипотезы о содержании дифференциальных признаков в значениях анализируемых единиц. Исследователь снова строит примеры для последующего предъявления их информанту, но принцип построения экспериментальной выборки теперь сводится к различным методам верификации сформулированной семантической гипотезы. Вместе с тем, помимо широко используемых в лингвистическом эксперименте верификационных процедур, исследователи все чаще обращаются к таким методам проверки, как проведение корпусного эксперимента и анализа результатов обращения к ведущим поисковым системам типа Google (см. подробнее о применении альтернативных верификационных процедур в (Сулейманова, Фомина, 2018).

Типология экспериенцера

Проведенное исследование показало, что в русском языке имеется широкий выбор схем, по которым строятся высказывания с экспериенцером. В рамках построенной в результате исследования типологии экспериенцера можно выделить структуры с экспериенцером-субъектом физиологического / эмоционального состояния; структуры с экспериенцером, вносящие информацию о месте сосредоточения состояния (болезненного, эмоционального) – модели с локативным

уточнителем; структуры с экспериенцером, реализующим роль объекта воздействия, а также субъекта эмоционального / социального отношения и восприятия (органами чувств / как результат ментальной деятельности).

Рассмотрим подробнее некоторые возможные типы экспериенцера и языковые средства их выражения.

Языковые средства выражения экспериенцера-субъекта физиологического / эмоционального состояния

Как показало проведенное исследование, высказывания о субъективном состоянии / ощущении (физическом или эмоциональном) могут иметь структуру: 1) двусоставного предложения, в котором обозначение субъекта состояния соответствует подлежащему (в том числе выраженному названием части тела, метонимически представляющем экспериенцера), ср. *Голова не болит?*; *Он заболевает*; *Яков никогда не бывал в хорошем расположении духа, так как ему постоянно приходилось терпеть страшные убытки* (НКРЯ); поверхностную структуру таких предикаций можно обозначить в виде Им. п. + Гл. *быть* + составное именное сказуемое; Им. п. + Гл. *болеть*; 2) односоставного (безличного, но не бессубъектного) предложения, в котором субъект обозначен второстепенным членом предложения, выраженным существительным / местоимением в составе дативной или генитивной модели, существительным / местоимением в винительном падеже, предложно-падежной формой С + Тв. п. в сочетании с предикативным наречием, существительным, фразеологизмом, ср.: *Отцу не работается*; *Ему холодно*; *Больного лихорадит*; *Его тянет уехать*; *Сестру охватил страх*; *По странному стечению чувств, мне казалось, что я заражаю незнакомца тем искрометным счастьем, от которого у меня мороз пробегает по коже...*; *Она уже спит. С ней все в порядке*. (НКРЯ); поверхностную структуру таких предикаций можно обозначить в виде Дат. п. + Гл. *работать* возвр. / Наречие предикат.; Вин. п. + Гл. *лихорадить*; Вин. п. + Гл. *охватывать* + Им. п.; У + Род. п. + Им. п. + Гл. *пробегать*; С + Тв. п. + Фразеологизм предикат.

Модели с экспериенцером, вносящие информацию о месте сосредоточения болезненного / эмоционального состояния. Пространственные модели с локативным уточнителем

Проведенное исследование показало, что поверхностная структура высказываний с экспериенцером, вносящих информацию о месте сосредоточения болезненного / эмоционального состояния, может быть представлена в виде двусоставного предложения, в котором локативный уточнитель соответствует подлежащему, а субъект-экспериенцер болезненного состояния представлен предложно-падежной формой *У* + Род. п., ср.: *Тяжело было приниматься за эту несложную работу, и Прошка всегда чувствовал, как у него ноет спина <...>; Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти* (НКРЯ).

Далее, локативный уточнитель, соответствующий обозначению части тела, в которой сосредоточено болезненное ощущение, может быть выражен предложно-падежными формами *в / на* + Предл. п., ср.: *У него закололо в боку, стали жать ботинки, воротник сделался узок и перехватил горло <...>* (НКРЯ); *У внука на руках появилась сыпь* (пример взят из работы (Мустайоки и др., 2019)); *с* + Тв. п., ср.: *Иногда кажется, что у него с головой не все в порядке; У меня с ногтями просто беда* (НКРЯ); *под* + Тв. п., ср.: *У меня под коленками «затошило». Я знаю, где живет страх. Он живет под коленками* (НКРЯ). Меньшей частотностью обладают структуры с локативным уточнителем, выраженным предложно-падежными формами *к* + Дат. п. и *от* + Род. п. в высказываниях типа *Подружка хмыкнула, а у Анны кровь прилила к лицу, и ей сделалось нестерпимо стыдно; У Екатерины вся кровь отхлынула от лица, и она стояла бледная, неподвижная, как статуя, сжав руки* (НКРЯ).

Приведенные высказывания, в которых субъект-экспериенцер представлен предложно-падежной формой *у* + Род. п., представляют особый интерес в рамках настоящего исследования. Анализируя безличные модели типа *У него потемнело в глазах*, О. А. Сулейманова вводит понятие пространства посессивности *X*-а – пространство *S*, образуемое *X*-ом (Сулейманова, 2000, с. 25). Для пространственных моделей пространственный компонент является обязательным компонентом структурной схемы предложения – его опущение приводит к нарушению смысла (ср. *На душе у деда тоскливо* и *На душе тоскливо*, где опущение

пространственного компонента приводит к изменению смысла результирующего высказывания, в котором в качестве субъекта-экспериенцера – теперь имплицитного – выступает уже говорящий) и даже грамматической правильности высказывания (такое опущение может также приводить к появлению эллиптического высказывания) (Там же).

Как отмечает О. А. Сулейманова, в рассматриваемой модели «пространственный компонент *У меня* вносит информацию о том, что Р имеет место в пространстве S, образуемом X-ом». Помимо пространственного компонента обязательным элементом модели является локативный уточнитель (Сулейманова, 2000, с. 25) – ср. *У меня в ухе звенит*; **У меня звенит*. Пространственный же компонент *У меня* в тексте может опускаться – ср. *У меня в ухе звенит*; *В ухе звенит* – но его место в модели всегда сохраняется, а значение этого компонента легко восстанавливается из контекста. Обязательный компонент модели – локативный уточнитель – вносящий информацию о той части тела, в которой имеет место Р, выполняет наряду с пространственным компонентом функцию НПП.

В (Фомина, 2015) подчеркивается, что интерпретация данного компонента модели в качестве носителя предикативного признака согласуется с пониманием А. В. Бондарко о структурном носителе предикативного признака, принадлежащем периферийному подклассу синтаксических элементов, который отличается синтаксической зависимостью от сказуемого, выраженной в управлении. По мнению А. В. Бондарко, управляемый член предложения может быть признан в качестве структурного НПП в том случае, когда в предложении отсутствует другой компонент, соотносящийся с предикатом, то есть речь идёт об «актанте при одноместном предикате». При такой трактовке предикативного отношения управление в анализируемой модели можно рассматривать как «формальную связь, совместимую со “стоящей выше” функцией предикативного отношения» (Бондарко, 1992, с. 63). Как представляется, правомерность приписывания функции НПП комбинации пространственного компонента и локативного уточнителя подтверждается тем, что оба компонента являются обязательными в данной модели (Фомина, 2015) – при возможности опущения первого компонента его место в модели

всегда сохраняется, позиция же локативного уточнителя является обязательной и может быть заполнена выражениями типа *в / на / под + Лос*, ср.: *в ушах, горле, желудке, животе, в плече, боку, груди, голове; на сердце, душе; под сердцем, ложечкой* (Сулейманова, 2000).

К моделям с экспериенцером, вносящим информацию о месте сосредоточения болезненного / эмоционального состояния, в (Мустайоки и др., 2019) также отнесены структуры, в которых пространственный компонент представлен притяжательным местоимением или существительным в родительном падеже, а локативный уточнитель обозначается предложно-падежной формой *в / на + Предл. п.* (ср. *На лице Михал Ивановича выразилось сильнейшее замешательство*), реже формами именительного падежа и *с + Тв. п.* – ср. *С сердцем отца что-то неладно* (пример взят из работы (Мустайоки и др., 2019); в (НКРЯ) высказываний с данной синтаксической структурой обнаружено не было). Ср. также высказывания с существительными *сердце, душа* в именительном падеже в сочетании с существительным в родительном падеже или притяжательным местоимением, метонимически обозначающими экспериенцера эмоционального состояния: *Война, и все с этим примирились. Но моя душа не может смириться; Мое сердце с тех пор болит почти постоянно* (НКРЯ).

Экспериенцер состояния как объект действия сил

Рассмотрим средства выражения экспериенцера-субъекта состояния, который выступает в качестве объекта воздействия. Данный тип субъекта выражается существительным / местоимением в винительном / творительном падеже и представлен в следующих высказываниях: *При воспоминаниях о невестке Ирину буквально трясло; Мною снова овладел страх; Меня поразила тогда смесь обыденности и безумия* (НКРЯ).

Безличные предложения, сообщающие о воздействии на экспериенцера, построены по дативной модели, в которой объект воздействия представлен обозначением части тела или органа, выраженным существительным в винительном падеже, ср.: *М. П. Степанов каким-то чудом остался жив, ему только порезало руки и лицо осколками стекла; Ему прищемило ногу* (НКРЯ). Как отмечает О. А. Сулейманова, дативную и генитивную

модели типа *Мне оторвало палец* и *У меня оторвало палец* часто объединяют при рассмотрении, однако данные модели могут быть противопоставлены сразу по нескольким признакам (Сулейманова, 2000). Так, дативно-безличная модель *Мне оторвало палец* «вносит информацию о том, что X является объектом действия на него каких-то внешних по отношению к нему сил, действие направлено на X-а только извне» (Сулейманова, 2000, с. 31), в то время как «генитивно-безличная модель не маркирована по этому признаку и может описывать как действия, направленные на X извне, так и силы, создаваемые самим X-ом и действующие внутри него», ср. *Мне разнесло плечо* и *У меня разнесло плечо* (Там же). Иными словами, если действие можно однозначно интерпретировать как происходящее в НПП, то возможна только генитивная модель, ср. *У меня потемнело в глазах*, ср. неправильное **Мне потемнело в глазах* (Там же).

Ср. также высказывания, в которых экспериенцер представлен как жертва какого-либо происшествия и обозначается существительным в именительном или косвенном падеже (Мустайоки и др., 2019): *Один из прохожих получил ожог под глазом и ожог уха; Лернера эти слова раздавили. Он перестал писать, есть, пить, спать – ходит по улицам и плачет* (НКРЯ).

Выводы

В статье была рассмотрена категория субъекта с позиций функционального подхода к интерпретации языковых фактов «от значения к форме». В результате проведенного исследования были уточнены две группы метатерминов – те, которые составляют общий фон исследования (ср. такие понятия, как *субъект*, *подлежащее*, *носитель предикативного признака*, *наблюдатель*, *экспериенцер* и др.), и те, которые используются в семантических описаниях (уже прошедших экспериментальную проверку или находящихся в ранге гипотезы) рассматриваемых моделей с субъектом-экспериенцером (ср. такие понятия, как *признак активности / неактивности*, *неопределяющий агент X*, *неагентивный субъект*, *несобственно агентивный субъект* и др.). В работе рассмотрены критерии организации поиска эмпирического материала на базе корпусов текстов, приводятся примеры сформированных запросов, а также представлены некоторые результаты проведенного исследования в виде

описания системы средств выражения анализируемой семантической категории в русском языке, а также результатов анализа поверхностной и глубинной структур некоторых моделей с данным типом субъекта.

В качестве перспективы исследования видится рассмотрение моделей с экспериенцером эмоционального / социального / интеллектуального отношения и восприятия (органами чувств / как результат ментальной деятельности), а также моделей с другими типами субъекта, располагающимися на разном расстоянии от прототипического центра категории субъекта – субъект-агенса. Особый интерес в рамках настоящего исследования представляют структуры, в которых семантическая категория субъекта-экспериенцера получает имплицитное выражение, например, при помощи субъективно-оценочных формул (хеджей) (см. подробнее о способах языковой репрезентации субъекта-адресанта в научном диалоге в (Фомина, 2018). Хеджи позволяют автору маркировать некое субъективное впечатление, свое отношение к рассматриваемой проблеме, вывод или мнение и, таким образом, выступают в качестве маркеров адресанта, участвующих в конструировании личности исследователя в академическом дискурсе и нацеленных на установление контакта с читателем, ср.: *как представляется, кажется, как можно заключить, как видно, думается* и др. Такие безличные модели, как *Кажется, думается, представляется* на уровне глубинной структуры высказывания не являются бессубъектными – субъект-экспериенцер (автор текста) не назван, но его наличие подразумевается.

Литература

1. Алисова Т. Б. К вопросу о так называемых «стативных» предикатах // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания ноября 1974 г.: Тез. докл. секционных заседаний. – М., 1974. – С. 55.
2. Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. – СПб.: Наука, 1992. – С. 29-71.

3. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
4. Кобрина Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2007.
5. Мустайоки А., Сабитова З. К., Парменова Т. В., Бирюлин Л. А. Функциональный синтаксис русского языка: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2019.
6. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения 10.12.2020)
7. Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982.
8. Сулейманова О. А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19, 10.02.01. – М.: Ин-т языкознания РАН, Москва, 2000.
9. Сулейманова О. А. семантическая роль имплицитного наблюдателя в модели предложения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 3 (19). – С. 69-75.
10. Сулейманова О. А. Рецензия на учебник «Функциональный синтаксис русского языка» (А. Мустайоки, З. К. Сабитова, Т. В. Парменова, Л. А. Бирюлин. М.: Юрайт. 2019. 728 с.) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2020. – № 4 (40). – С. 119-122.
11. Сулейманова О. А., Фомина М. А. Триангуляционный подход в экспериментальной лингвистике // Русистика и компаративистика. Научные труды по филологии. Выпуск 12. – М.: МГПУ; Книгодел, 2018. – С. 220-235.
12. Сулейманова О. А., Фомина М. А., Тивьяева И. В. Принципы и методы лингвистических исследований: учебное пособие // отв. ред. О. А. Сулейманова. – М.: Языки Народов Мира; НВИ, 2020.
13. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания.

Определенность / неопределенность // Отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1992.

14. Фомина М. А. Субъект в безличных пространственных моделях типа *У меня в ухе звенит* // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 4 (20). – С. 49-55.

15. Фомина М. А. Концептуальные категории в контексте проблемы разработки метаязыка семантического описания // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сборник статей к юбилею О.А. Сулеймановой. – М.: ФЛИНТА, 2016. – С. 223-233.

16. Фомина М. А. Субъект в академическом дискурсе // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / Отв. ред. О.А. Сулейманова. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – С. 199-210.

17. Шабанова Т. Д. Семантическая модель английских глаголов зрения: Теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... док. филол. наук: 10.02.04. – Уфа, 1998.

18. Dik S. C. The Theory of Functional Grammar / ed. K. Hengeveld. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1997.

19. Foley W. A., Van Valin R. D. Functional Syntax and Universal Grammar. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

20. Halliday M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. – London etc.: Arnold, 1994.

21. Jespersen O. The Philosophy of Grammar. – London: George Allen & Unwin, 1924.

22. Leonard J. P. Functional Grammar – What and Where? // English Journal. – 1933. – Vol. 22. – Pp. 729-735.

23. Mustajoki A. From Meaning to Form: an Alternative Model of Functions Syntax // Russian Language Journal. – 2007. – Vol. 57. – Pp. 3-28.

24. Siewierska A. Functional Grammar. – London: Routledge, 1991.

25. Valesio P. The Distinction of Active and Passive // Linguistic Inquiry. – 1971. – Vol. 2. – № 3. – Pp. 407-414.

References

Alisova, T. B. (1974). K voprosu o tak nazyvaemykh «stativnykh»

- predikatakh [The Issue of So-called «Static» Predicates]. In *Vsesoyuznaya nauchnaya konferentsiya po teoreticheskim voprosam yazykoznanija noyabrya 1974 g.* (p. 55). Moscow.
- Bondarko, A. V. (1992). Sub'ektno-predikatno-ob'ektnye situatsii [Subject-Predicate-Object Situations]. In *Teoriya funkcional'noy grammatiki: Sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost' / neopredelennost'* (pp. 29-71). Saint-Petersburg, Nauka.
- Dik, S. C. (1997). *The Theory of Functional Grammar*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Foley, W. A., & Van Valin, R. D. (1984). *Functional Syntax and Universal Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fomina, M. A. (2015). Sub'ekt v bezlichnykh prostranstvennykh modelyakh tipa *U menya v ukhe zvenit* [The Subject in Spatial Impersonal Sentence Models *U menya v ukhe zvenit*]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie*, 4 (20), 49-55.
- Fomina, M. A. (2016). Kontseptual'nye kategorii v kontekste problemy razrabotki metayazyka semanticheskogo opisaniya [On Conceptual Categories within the Framework of an Approach to Semantic Metalanguage]. In *Kontensivnye aspekty yazyka: konstantnost' i variativnost': sbornik statey k yubileyu O.A. Suleymanovoy* (pp. 223-233). Moscow, FLINTA.
- Fomina, M. A. (2018). Sub'ekt v akademicheskom diskurse [The Category of Subject in Academic Discourse]. In *Diskurs kak universal'naya matritsa verbal'nogo vzaimodeystviya* (pp. 199-210). Moscow, LENAND.
- Halliday, M. A. K. (1994). *An Introduction to Functional Grammar*. London etc.: Arnold, 1994.
- Jespersen, O. (1924). *The Philosophy of Grammar*. London: George Allen & Unwin.
- Kobrina, N. A., Boldyrev, N. N., & Khudyakov, A. A. (2007). *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo angliyskogo yazyka: Ucheb. Posobie [Theoretical Grammar of Modern English: A Textbook]*. Moscow, Vysshaya shkola.
- Leonard, J. P. (1933). Functional Grammar – What and Where? *English Journal*, 22, 729-735.
- Mustajoki, A. (2007). From Meaning to Form: an Alternative Model of

- Functions Syntax. *Russian Language Journal*, 57, 3-28.
- Mustajoki, A., Sabitova, Z. K., Parmenova, T. V., & Biryulin, L. A. (2019). *Funktsional'nyy sintaksis russkogo yazyka: uchebnik dlya vuzov [The Functional Syntax of the Russian Language: A Textbook for Universities]*. Moscow, Yurayt.
- RNC – Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. (2020). Retrieved from: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>
- Seliverstova, O. N. (1982). *Semanticheskie tipy predikatov [Semantic Types of Predicates]*. Moscow, Nauka.
- Shabanova, T. D. (1998). *Semanticheskaya model' angliyskikh glagolov zreniya: Teoretiko-ekperimental'noe issledovanie [Semantic Model of English Verbs of Visual Perception: Theoretical and Experimental Research]*. (Doctoral thesis, Bashkir state pedagogical Institute, Ufa, Russia).
- Siewierska, A. (1991). *Functional Grammar*. London: Routledge.
- Suleimanova, O. A. (2000). *Relevantnye tipy bezlichnykh sintaksicheskikh struktur i ikh semanticheskie korrelyaty [Relevant Types of Impersonal Syntactic Structures and Their Semantic Correlates]*. (Doctoral thesis abstract, Institut yazykoznaneya RAN, Moscow, Russia).
- Suleimanova, O. A. (2015). Semanticheskaya rol' implitsitnogo nablyudatelya v modeli predlozheniya [The Semantic Role Observer in the Sentence Model]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie*, 3 (19), 69-75.
- Suleimanova, O. A. (2020). Retenziya na uchebnik «Funktsional'nyy sintaksis russkogo yazyka» (A. Mustajoki, Z. K. Sabitova, T. V. Parmenova, L. A. Biryulin. M.: Yurayt. 2019. 728 s.) [Review of the Textbook "Functional syntax of the Russian language" (Mustajoki, A., & Sabitova, Z. K., & Parmenova, T. V., & Biryulin, L. A. Moscow: Yurayt. 2019, 728 p.)]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie*, 4 (40), 119-122.
- Suleimanova O. A., & Fomina M. A. (2018). Triangulyatsionnyy podkhod v eksperimental'noy lingvistike [Triangulation as a Research Method in Experimental Linguistics]. *Rusistika i*

- komparativistika. Nauchnye trudy po filologii, 12, 220-235.*
- Suleimanova, O. A., & Fomina, M. A., & Tiv'yaeva, I. V. (2020). *Printsipy i metody lingvisticheskikh issledovaniy: uchebnoe posobie [Principles and Methods of Linguistic Studies: A Study Guide]*. Moscow, Yazyki Narodov Mira; NVI.
- Teoriya funktsional'noy grammatiki: Sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost' / neopredelennost' [Functional Grammar: Subjectivity. Objectivity. The Communicative Perspective of the Statement. Certainty / uncertainty]*. (1992). Saint-Petersburg, Nauka.
- Valesio, P. (1971). The Distinction of Active and Passive. *Linguistic Inquiry*, 2 (3), 407-414.
- Zolotova, G. A. (2001). *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative Aspects of Russian Syntax]*. Moscow, Editorial URSS.

УДК 374.1

<https://doi.org/10.25076/vpl.40.06>

Эрназаров Д.З.,

Ташкентский Государственный Экономический
Университет, Узбекистан

Авилова Х. Н.

Узбекский государственный университет мировых языков,
Узбекистан,

Гулямова М. Х.

Узбекский государственный университет мировых языков,
Узбекистан

РАЗРАБОТКА АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЧТЕНИЯ, СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЛОКАЛЬНОМУ КОНТЕКСТУ УЗБЕКИСТАНА

Какие учебные материалы необходимы для развития навыков чтения у учеников? Можно ли использовать каждый интернет-ресурс или учебник во всех классах? Должны ли материалы соответствовать национальным стандартам той или иной страны? Учителя обычно соотносят средства обучения с религиями преподавания, выбирая ресурсы для использования в своем